

РУКОПИСНЫЙ ВАРИАНТ РЕЧИ С. Ю. ВИТТЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 4 МАЯ 1906 г. ПО ВОПРОСУ АМНИСТИИ

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. С. Левшиной)*

Аннотация: Вниманию исследователей предлагается ранее не издававшийся рукописный вариант речи С. Ю. Витте в Государственном совете по вопросу политической амнистии. Во вступительной статье охарактеризовано обособленное положение С. Ю. Витте в пореформенном Совете, рассмотрена высказанная политиком в ходе прений позиция по одному из наиболее актуальных, обсуждаемых прессой и обществом вопросов, поднятых революцией 1905 г. Для исследователей политической деятельности и личности С. Ю. Витте представляет интерес сравнение изданной в 1906 г. стенограммы данного выступления с публикуемым автографом.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, революция 1905 г., амнистия, Государственный совет, I Государственная дума, А. А. Половцов.

Abstract: The present article offers to researchers previously unpublished manuscript variant of S. Yu. Witte's speech on the issue of an amnesty, delivered in the State Council. The paper provides information on S. Yu. Witte's detached position in the post-reform Council and the view point on one of the most urgent, discussed by the press and society issues raised by the revolution of 1905, which he expressed during the debate in the Council. The comparison of the shorthand record of this speech issued in 1906 with the autograph is interesting for researchers of political activity and personality of S. Yu. Witte.

Keywords: S. Yu. Witte, the revolution of 1905, an amnesty, the State Council, the First Duma, A. A. Polovtsov.

В августе 1903 г. С. Ю. Витте был назначен председателем Комитета министров Российской империи, членом Комитета финансов, а также включен в состав Государственного совета, членом которого и оставался вплоть до своей смерти в феврале 1915 г. Занимая пост председателя Совета министров (октябрь 1905—апрель 1906 г.), С. Ю. Витте активно участвовал в обсуждениях проекта реформы Государственного совета. В частности, он выступал за обновление состава Совета и за устранение «всякого средостения между царем и народом» посредством новой верхней палаты.¹ О необходимости же незамедлительной под-

¹ Дневник А. А. Половцева (окончание) // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 84, 92 (далее — Дневник А. А. Половцева); подробнее о подготовке реформы Государ-

готовки реформы Совета «по типу первой, старшей палаты» С. Ю. Витте высказывался еще в начале октября 1905 г., в разгар революционных событий.²

Современники (В. И. Гурко, П. П. Менделеев, И. И. Толстой) приводили схожие мнения по поводу готовности С. Ю. Витте к отставке с поста премьер-министра в апреле 1906 г. и возможных иллюзий, которые он питал, подав царю соответствующее прошение.³ На основании их воспоминаний складывается впечатление, что С. Ю. Витте рассчитывал сохранить за собой пост и энергично готовился к взаимодействию с нижней палатой, составляя «программу занятий Думы», выработывая общую для Совета линию поведения по отношению к ней.⁴ Исследователи между тем высказывают сомнения, что такой опытный, дальновидный политик, как С. Ю. Витте, чье положение пошатнулось с самого начала 1906 г., мог сомневаться по поводу решения, которое примет Николай II относительно его судьбы.⁵ Как бы то ни было, 22 апреля 1906 г., незадолго до открытия первой в истории России Государственной думы, С. Ю. Витте был отставлен с постов председателя Совета министров и Комитета министров, но при этом остался членом Государственного совета. На первом заседании пореформенного Совета 28 апреля 1906 г. указом государя С. Ю. Витте был «назначен к присутствованию в Государственном совете» и до конца жизни состоял членом Совета «по назначению», ежегодно получая таким образом право участвовать в его заседаниях и прениях по законопроектам.⁶

Государственный совет стал для С. Ю. Витте фактически единственной политической трибуной, с которой он мог отстаивать перед многочисленной аудиторией действия расформированного Совета министров и свои собственные решения. Не желая терять политической власти и влияния, он, по воспоминаниям А. А. Половцова,⁷ «всеми силами добивается попасть в председатели (Государственного совета. — Е. Л.) или хотя бы в вице-председатели», но, как известно, неудачно.⁸ Несмотря на значительное число хороших знакомых, сослуживцев и бывших подчиненных, оказавшихся в Совете, С. Ю. Витте был одинок среди них и не примыкал ни к одной из фракций. Его личность и предпринятые политические шаги вызывали широкий диапазон

ственного совета см.: *Демин В. А.* Верховная палата Российской империи. 1906—1917. М., 2006. С. 29—35.

² Дневник А. А. Половцева. С. 75.

³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 340—344 (далее — *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте и его время).

⁴ Там же. С. 340—341.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Заседание 1-е // Государственный совет: Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Заседания 1—15 (28 апр.—7 июля). СПб., 1906. С. 1.

⁷ Встречается также вариант написания фамилии «Половцев».

⁸ Дневник А. А. Половцева. С. 111.

чувств: от неприкрытой ненависти отдельных представителей правой группы к «губителю России» до симпатий и одобрения нескольких человек, в том числе М. М. Ковалевского и А. Ф. Кони. Вопреки замечанию питавшего к С. Ю. Витте взаимную антипатию и враждебность А. А. Половцова о «всеобщей ненависти» к бывшему премьер-министру, большинство в Совете относились к С. Ю. Витте скорее «сдержанно и без доверия».⁹

Одним из вопросов, в обсуждении которого в Государственном совете С. Ю. Витте принял активное участие, был вопрос об амнистии. Перед открытием I Государственной думы данная тема являлась одной из самых популярных на страницах российской прессы и будоражила умы общественности. Вопросы амнистии и отмены смертной казни были тесно связаны с проблемой революционного террора, так как значительная часть заключенных, находящихся в тюрьмах в 1906 г., была осуждена за политические преступления.¹⁰ Именно с требования амнистии политическим преступникам, озвученного кадетом И. И. Петрункевичем после избрания председателя, Дума начала свою работу 27 апреля 1906 г.

В Государственном совете вопрос об амнистии попытался поднять кадет В. А. Кугушев также на первом заседании, 28 апреля 1906 г., однако председатель Д. М. Сольский поспешил закрыть его и обсудить вопрос с несколькими членами Совета вечером, на частном собрании. Большинство присутствовавших на нем высказались «за амнистию, но не распространяя ее на уголовные преступления».¹¹ С 28 апреля по 4 мая 1906 г. состоялись три публичных и шесть частных заседаний Совета по вопросу амнистии.¹²

Занимая пост премьер-министра, С. Ю. Витте рассматривал амнистию в качестве одной из мер «органического характера», направленных против революции (в противовес карательным мерам — временным и нежелательным).¹³ Амнистия была уступкой сразу всем социальным группам, необходимой для умиротворения общества. В воспоминаниях, говоря о политической амнистии 21 октября 1905 г., С. Ю. Витте, вероятно, лукавя, признавался: «Я в душе немного побаивался амнистии, но считал ее необходимою, раз мы стали на путь 17 октября. И в настоящее время после всего пережитого я эту амнистию

⁹ Там же; Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте: Отрывочные воспоминания. М., 1925. С. 32—34 (далее — Кони А. Ф.).

¹⁰ Подробнее см.: Портнягина Н. А. Дебаты по проблеме амнистии в I Государственной думе // Таврические чтения 2013: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб., 2014. С. 114—118.

¹¹ Дневник А. А. Половцева. С. 106—107.

¹² Там же. С. 106—109.

¹³ Ананьич Б. В., Ганелин Р. III. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 49.

считаю мерою правильною».¹⁴ Однако после декабрьского вооруженного восстания в Москве вера С. Ю. Витте «в кротость и целесообразность уступчивости по отношению к требованиям общества» пошатнулась, и он все больше склонялся к испытанным мерам «административного воздействия». Политик утверждал, что применение последних вызвано «горькою необходимостью», и утешал «и себя и других уверениями, что меры эти временны и сами собой прекратятся с наступлением нормальных условий».¹⁵

Впервые С. Ю. Витте выступил в Государственном совете по вопросу об амнистии на третьем по счету частном заседании всех его членов 30 апреля 1906 г. По язвительному замечанию А. А. Половцова, на этом заседании «прения расползаются безрезультатно во все стороны» из-за председательства П. Н. Трубецкого. Среди прочих ораторов первым А. А. Половцов назвал С. Ю. Витте, который «под предлогом обсуждения амнистии» представлял «оправдание своей политики, никого ни в чем не убеждая». На следующий день, 1 мая, прения продолжились: «все тот же вопрос об амнистии и все то же вялое председательствование Трубецкого».¹⁶ Судя по воспоминаниям А. А. Половцова, 30 апреля С. Ю. Витте ратовал за энергичные действия и ожидал, что уже на следующем заседании члены Совета будут голосовать о включении вопроса об амнистии в ответный адрес государю, чего, однако, не последовало: большинство членов выступили против голосования 1 мая, откладывая процедуру до публичного заседания Совета. После этого представители левой группы отказались участвовать в прениях, и заседание было закрыто.¹⁷

Следующее выступление С. Ю. Витте в Совете по поводу амнистии состоялось 4 мая. На этом заседании происходило обсуждение трех разных проектов ответного адреса, отличавшихся отношением к проблеме. С. Ю. Витте присоединился к умеренно-либеральному проекту, в котором говорилось о частичной амнистии.¹⁸ Текст речи С. Ю. Витте опубликован в «Стенографических отчетах» Государственного совета.¹⁹ Помимо этого, в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранился рукописный вариант этого выступления, публикуемый ниже.

Имеющийся в нашем распоряжении вариант речи был написан С. Ю. Витте после ознакомления с текстом умеренно-либерального проекта ответного адреса. Данный проект был готов к утру 4 мая и распространен для ознакомления среди членов Совета;²⁰ его текст проци-

¹⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. III. С. 125.

¹⁵ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 268.

¹⁶ Дневник А. А. Половцева. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 108.

¹⁸ Заседание 4-е // Государственный совет: Стенографические отчеты. 1906 г. С. 3–4.

¹⁹ Заседание 3-е // Там же. С. 17–19.

²⁰ Там же. С. 1.

тировал С. Ю. Витте в самом начале своего выступления. Таким образом, можно предположить, что политик подготовил речь в сжатые сроки, работая над ней в первой половине — середине дня 4 мая 1906 г., так как заседание Совета началось только в половине девятого вечера.²¹

Очевидно, что С. Ю. Витте имел свои наработки и разнообразные материалы по вопросу амнистии: в речи он обратился к примерам (хотя и весьма общим) из мировой истории и, что более важно, цитировал выступления депутатов Государственной думы — в его распоряжении были стенограммы ее первых заседаний. Так, С. Ю. Витте дословно приводил фрагменты из речей кадета Ф. И. Родичева и трудовика Т. И. Седельникова 29 апреля 1906 г., используя их как отправные точки для своих контраргументов против всепрощения политических преступников.

Рукопись отражает подготовку С. Ю. Витте к выступлению в Совете. Речь не озаглавлена, написана сплошным текстом, без деления на абзацы черными чернилами; ими же сделаны все вычеркивания и вписаны фразы над строкой. Цитаты отчеркнуты С. Ю. Витте привычным для него в работе красным карандашом по левому полю страницы; красным же вписаны несущие дополнительную смысловую нагрузку запятые, подчеркнута интонируемое слово и обведена для перестановки фраза, выделены новые абзацы, а также вписаны номера страниц.

Напомним, что в дореформенном Государственном совете ораторам запрещалось чтение речей «по бумажке», за исключением случаев, когда необходимо было процитировать документ или высказывание; этот запрет был впоследствии подтвержден статьей 67 нового «Наказа Государственного совета».²² Любопытно, что как раз на заседании Совета 4 мая 1906 г. замечание за чтение речи было сделано не кому иному, как академику А. А. Шахматову, поддерживавшему проект адреса, составленный профессором Д. И. Багалеем.²³ С. Ю. Витте свою речь, как и следовало, произнес, и сравнение стенограммы с черновиком речи позволяет дополнить представление о нем как об ораторе.

В своих воспоминаниях А. Ф. Кони обстоятельно описал манеру выступлений С. Ю. Витте в Государственном совете, отметив, в частности, его любовь к остроумным афоризмам, тонкую иронию, нередко прорывавшееся в речи негодование, склонность к частым повторениям, длиннотам, нарушению последовательности речи. По словам А. Ф. Кони, С. Ю. Витте «производил впечатление человека, не стесняющегося резко и определенно высказывать свою мысль, без словесных

²¹ Дневник А. А. Половцева. С. 109.

²² Наказ Государственного совета с предметным к нему указателем. СПб., 1908. С. 25.

²³ Заседание 3-е // Государственный совет. 1906 г. С. 11–12.

компромиссов и приспособлений». ²⁴ Все это, в той или иной степени, отражено в стенограмме выступления политика.

Публикуемый ниже вариант речи интересен не столько тем, что в нем есть, сколько тем, что в нем отсутствует. Рукописный текст С. Ю. Витте уступает по объему произнесенной речи, и именно благодаря этому заметно, насколько живое слово оратора ярче, убедительнее зафиксированного на бумаге, насколько более свободной и эмоционально окрашенной стала речь, произнесенная с трибуны. Во время выступления С. Ю. Витте чаще апеллировал к чувствам (в том числе патриотическим) слушателей, говорил о заблуждавшейся русской молодежи, о невинных людях, обманутых «неправильными слухами». Значительное внимание по сравнению с написанным вариантом уделено С. Ю. Витте вреду партийности во власти, исключавшей, по его мнению, политическую справедливость. Зачастую высказывания С. Ю. Витте в рукописи более жесткие и резкие, чем в речи на заседании. Так, выражение о власти, которая «...увы! — палач», было исключено во время выступления из отрывка о людях мирных и невинно пострадавших, не были использованы достаточно яркие и образные эпитеты и выражения: «насильственная» (нивелировка достоинства), «кровавый погром имущества». В речи С. Ю. Витте упомянул о «нашем благочестивом государе», дававшем амнистии «щедрою рукою», чего в рукописном варианте не было. По словам А. Ф. Кони, С. Ю. Витте, когда приходилось говорить о Николае II, «скороговоркой и заметно понизив тон» называл его похоже: «...и царствующий ныне благочестивый монарх». ²⁵ В целом, написанный С. Ю. Витте вариант речи принципиально не отличается по своему содержанию от прозвучавшего в Совете — немного по-разному расставлены акценты, отдельные части в процессе выступления переставлены, менее проработана концовка, но именно эти детали могут представлять интерес для исследователей.

Вполне вероятно, что данный рукописный вариант был не единственным, подготовленным С. Ю. Витте для заседания. Однако, учитывая сжатые сроки, отведенные для работы, аккуратность, с которой написан текст, минимальное количество правок, а также вписанные красным карандашом номера страниц и отчеркнутые цитаты — очевидно, для быстрого ориентирования в рукописи во время произнесения речи, — можно предположить, что именно этот вариант был окончательным и использовался С. Ю. Витте во время выступления.

В заключении необходимо сказать несколько слов о Д. Н. Любимове, в фонде которого хранится публикуемый автограф С. Ю. Витте. В конце октября 1918 г. Д. Н. Любимов (1864—1942) — крупный государственный чиновник, коллекционер автографов — передал на временное хранение в Пушкинский Дом свое собрание рукописей. После

²⁴ Кони А. Ф. С. 35—37.

²⁵ Там же. С. 36.

его эмиграции коллекция перешла на постоянное хранение.²⁶ В одном из пяти больших переплетенных альбомов с автографами знаменитых людей есть раздел, посвященный С. Ю. Витте. Д. Н. Любимов занимал руководящие посты в правительственном аппарате, по его собственному выражению, «был близок к центру власти» и лично знаком с видными сановниками, в том числе с С. Ю. Витте.²⁷ В должности помощника статс-секретаря Государственного совета Д. Н. Любимов был изображен на знаменитом полотне И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г. в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1904). Кстати, на картине он находится в непосредственной близости от С. Ю. Витте — за его правым плечом.

Черновик выступления С. Ю. Витте публикуется по автографу из фонда Н. А. и Д. Н. Любимовых (РО ИРЛИ, ф. 160, оп. 1, № 2, л. 38-б—39 об.) Пунктуация и орфография в документе приведены в соответствие с современными нормами, однако сохранены особенности написания некоторых слов. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Сокращения раскрыты в угловых скобках. Отдельные слова и фразы, зачеркнутые автором, взяты в квадратные скобки. Отдельные слова и фразы, вписанные над строкой, выделены полужирным шрифтом. Отчеркнутые красным карандашом по левому полю страницы цитаты выделены полужирным курсивом. Выделения красным карандашом абзацев, перестановка фраз, вписанные автором номера страниц указаны в примечаниях.

**Рукописный вариант речи С. Ю. Витте
в Государственном совете 4 мая 1906 г.
по вопросу амнистии**

<4 мая 1906 г.>

1)¹

Совершенно разделяю мнение, выраженное в проекте всеподданнейшего адреса, о необходимости прямодушного взаимодействия и единения Гос<ударственного> Сов<ета> с Гос<ударственной> Ду<мою>.² Без этого осуществление реформ, которых единодушно жаждет народ, не мыслимо. Поэтому, переходя к выражению [моего] мнения **по** выставленно[го]**му** в проекте адреса ходатайству по вопросу об забвении преступных действий, я думаю, что реально выкажу желание взаимодействия с думою, обратившись к той мотивировке, на основании которой вопрос этот получил такое всепоглощающее значение в ее ра-

²⁶ Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 70.

²⁷ Сидоров А. Л. Д. Н. Любимов и его воспоминания // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 121.

ботах. Главный довод, *гласно* высказанный в думе в пользу всезабвения, формули<рова>н так: **«Противники амнистии утверждают, что амнистия не прекратит преступлений. Они ошибаются. Казни и расправы рождают престу<плени>я. Уничтожьте ненависть; щедрою рукою раскиньте всепрощение, и вы на опыте увидите, что амнистия в данный момент предписывается высшей полити<ческо>й мудростью».**³ Итак, амнистия уничтожит ненависть, и водворится всеми страстно желанный покой. Что взаимная ненависть есть главная причина всей смуты, это несомненно. Безусловно присоединяюсь к этому мнению. Но что раскинутое всепрощение уничтожит эту ненав<ис>ть, тут невольно рождаются сомнения. Если бы ненависть основывалась только на том, что одни люди нападают и нарушают интересы других, а другие, государством призванные для защиты прав, порядка и свободы, карают нападающих и вызывающих, причем при такой борьбе впадают в эксцессы и несправедливости, то было бы ясно, что всепрощение может повести к умиротворению. Но едва ли корни этой ненависти не сидят неизмеримо глубже. Мне кажется, что почтенный оратор думы принимает следствия за причины. Доказательством сему служат слова, сказанные вслед за приведенным, другим оратором, [хотя] вероятно, по недоразумению,⁴ с целью подтвердить мнение первого: **«Я утверждаю, что амнистия является в данный момент политического необходимости. В четверг я видел столько бриллиантов и роскоши. Не забывайте, что все это куплено на народные деньги. Все эти камни взяты с моих голодных братьев, это их пот и достояние. Страшиться той минуты, когда массы поймут свое право на все эти богатства. Бойтесь ужасного расчета снизу».**⁵ Итак, судя по этим словам, чтобы уничтожить ненависть,

2)⁶

нужна не амнистия, а насильственная нивелировка средств жизни, что может осуществиться не щедрым разбрасываньем всепрощения, а кровавым погромом имущества, уничтожением человеческой личности, обращением людей в стадо и нравственным возмущением всего цивилизованного мира.⁷

Обращаясь к мировой истории, мы видим, что монархи, во все времена, давали довольно часто, по различным поводам, амнистию, но к сожалению история нам не представляет явных доказательств, что амн<истия> сама по себе уничтожает ненависть. История дает повод думать, что иногда достигаются результаты противоположные. Обычно, в таких случаях, говорят: «Да, но ведь это произошло от того, что амнистия была дана не вовремя, что она содержала те или другие ограничения», — и т<ому> п<одобные> соображения. Но этим соображениям могут придавать значение только те, которые хотят верить тем, которые их высказывают, ибо очевидно, что никакими [сооб<ра-

жени>ями] доказа<тельства>ми эти соображения подкреплены быть не могут.⁸

Соглашаясь с тем, что покой настанет, когда устранится ненав<ис>ть, и полагая, что амнистия сама по себе не может устранить ненав<ис>ти, я думаю, что ненави<с>ть может быть устранена только справедливостью, уважением к правам, к культуре и к личности. Но чтобы достигнуть политической справедливости, нужно прежде всего быть справедливым. Справедливость же не совместима с тактикою партийности, с угрозами и страстями.⁹

Но, не придавая того значения амнистии, которую хотят ей придать, я тем не менее присоединяюсь к мысли об амнистии в пределах, не нарушающих госуд<арственные> устои и не толкающих в сторону новой революции. По этому вопросу тот же почтенный оратор думы высказал: **«Амнистия должна быть всеобщей без всяких исключений. Все те преступления, в которых основным мотивом являлось не низменное своекорыстие, а заблуждение во имя любви, должны быть прощены»**.¹⁰ Если должны быть прощены только те преступления, которые представляли собою заблуждения во имя любви, то, следовательно, амнистия не может быть всеобщей. Тут явное и непримиримое противоречие. Но затем, о какой любви идет речь? О любви к власти, к почету, к популярности, к своему «я», к чужому имуществу или какой-либо иной. Я полагаю, что может идти речь только о любви к человеку как человеку, хотя и провинившемуся. Но, прощая людей виновных, в самых широких размерах, не следует забывать невинных. Высказывая искреннюю любовь к пострадавшим от суда и власти, **в особенности, когда последняя — увы! — палач**, не следует [забывать и невинных] закрывать сердце [к интересам] **для** людей невинных, мирных, также много пострадавших [дабы], **чтобы** не нанести им новые страдания. Я высказываюсь за амнистию [**за широкую амнистию**], но при условии [со], чтобы мера эта не нарушила порядок, нарушение коего составило главнейшее бедствие так еще недавно пережитого¹¹ [нами времени] нашу родину.

¹ Номер страницы вписан красным карандашом.

² Цитируется фрагмент из умеренно-либерального проекта ответного адреса Николаю II, ср.: Заседание 4-е // Государственный совет. С. 3.

³ Цитируются фрагменты из речи депутата Думы Ф. И. Родичева, ср.: Заседание 2-е // Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Заседания 1—18 (27 апр.—30 мая). СПб., 1906. Т. I. С. 24.

⁴ Фраза «вероятно, по недоразумению» обведена красным карандашом и поставлена после слов «с целью».

⁵ Цитируются фрагменты из речи депутата Думы Т. И. Седелникова, ср.: Заседание 2-е // Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906 г. С. 29.

⁶ Номер страницы вписан красным карандашом.

⁷ Красным карандашом отмечен новый абзац.

⁸ То же.

⁹ То же.

¹⁰ Цитируются фрагменты из речи депутата Думы Ф. И. Родичева, ср.: Заседание 2-е // Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. С. 24.

¹¹ Такое окончание слова в тексте.

Библиографический список

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32—52.
2. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. III.
4. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Заседания 1—18 (27 апреля—30 мая). СПб., 1906. Т. 1.
5. Государственный совет: Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Заседания 1—15 (28 апреля—7 июля). СПб., 1906.
6. *Демин В. А.* Верховная палата Российской империи. 1906—1917. М., 2006.
7. *Дневник А. А. Половцева (окончание)* // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 63—128.
8. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006.
9. *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте: Отрывочные воспоминания. М., 1925.
10. Наказ Государственного совета с предметным к нему указателем: Издание Государственной Канцелярии. СПб., 1908.
11. *Портнягина Н. А.* Дебаты по проблеме амнистии в I Государственной думе // Таврические чтения 2013: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб., 2014. С. 114—119.
12. *Сидоров А. Л.* Д. Н. Любимов и его воспоминания // Вопросы истории. М., 1965. № 8. С. 121—122.